

которого ему прислали от имени Короля. «О, и было чем полюбоваться, — воскликнул покойный Король, — осел верхом на муле!» — «Осторожнее, Государь, — отвечал Бассомьер, — я представлял собою вас».

Королева-мать говорила: «Я так люблю Париж и так люблю Сен-Жермен, что хотела бы одной ногой стоять здесь, а другой — там». — «А мне, — сказал Бассомьер, — хотелось бы тогда быть в Нантерре». Это на поллуги от Парижа.

Г-н де Вандом говорил Маршалу, встретившись с ним где-то: «Вы, небось, сторожник г-на де Гиза, вы ведь спите с его сестрой де Конти?». — «Это ровно ничего не значит, — отвечал Маршал, — я спал со всеми вашими тетками, из этого вовсе не следует, что я вас больше люблю».

Основываясь на том, что де каждый человек напоминает какое-нибудь животное, Маршал в шутку говорил, что маркиз де Темин — его вычлосое животное. Г-н де Ларошфуко, злой насмешник, хотел по этому поводу высмеять Темина, но тот заявил, что не потерпит от него того, что терпит от г-на де Бассомьера. Дело меж ними едва не дошло до дуэли.

Когда Бассомьер оказался в Бастилии, он дал обет не бриться, пока не будет выпущен на свободу; однако через год он велел себя постричь и побрить. У него была мимолетная любовная связь с г-жой де Гравель, которая тоже находилась в заточении; эта жеппица была на содержании у маркиза де Рони, а потом из-за интриг была арестована. Кардинал де Ришелье был настолько бесчеловечен, что приказал подвергнуть ее пытке. После смерти Маршала она имела глупость надеть по нему траур, так же как и г-жа де Бассомьер.

Г-н Шаплен написал сонет по поводу лихорадки, которую схватил г-н де Лонгвиль во время переправы через Рейн; он назвал его там «французским львом». — «Он скорее французская крыса», — сказал Бассомьер.

Каждый пленник Бастилии говорил: «Я смогу выйти отсюда тогда-то». — «А я, — говорил Маршал, — уйду отсюда, когда уйдет г-н дю Трамбле».

Когда Кардинал заболел, Трамбле сказал Маршалу: «Ежели Кардинал умрет, вы здесь не останетесь». — «Вы тоже», — ответил Маршал.

Он не хотел уходить из тюрьмы, пока Король его о том не попросит. «Я королевский офицер, — говорил он, — верный слуга Короля, а со мною обошлись недостойно; да и к тому же мне не на что жить». Его земли были разорены. Маркиз де Сен-Люк сказал ему: «Выходите, что вам стоит? Попасть обратно вы сумеете всегда». Выйдя из тюрьмы, Маршал говорил, что, на его взгляд, «в Париже теперь остается ходить только по императорам карет, до того запружены улицы, мужчины все безбородые, а лошади без грив и хвостов».

Он тотчас же вступил в свою прежнюю должность полковника Швей-